

ВЛАДИМИР ШПАКОВ
**ПЛЕННИКИ
АМАЛЬГАМЫ**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

ВЛАДИМИР ШПАКОВ

ПЛЕННИКИ АМАЛЬГАМЫ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Москва, 2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ш83

*Составитель серии Андрей Геласимов
Художник Алена Геласимова*

Шпаков В.

Ш83 Пленники амальгамы: [роман]. — М.: ИД «Городец», 2021. — 448 с. — (Серия «Ковчег»).

Разум всегда готов впасть в кошмарный сон, рождающий чудовищ. И этот сон в романе Владимира Шпакова «Пленники амальгамы» становится явью. Главный герой произведения — Его Величество Безумие, представленное в самых разных ипостасях. Своим крылом Безумие задевает каждого персонажа; перед каждым ставит зеркало, где отражаются изувеченные и искореженные души. Метаморфозы, которые претерпевают эти души, необычны, фантастичны, они выламываются из рамок обыденности и привычной логики. И в то же время говорят что-то важное о нас, здравомыслящих представителях рода человеческого...

ISBN 978-5-907220-62-1

© В. Шпаков, 2021
© ИД «Городец», 2021

Там, где с землею обгорелой
Слился, как дым, небесный свод, —
Там в беззаботности веселой
Безумье жалкое живет.

Ф. И. Тютчев

Душа безумцев — не безумна.

Мишель Фуко

ЧАСТЬ I

Мертвые души

1. Кай

Каждое утро он завешивает зеркала. Начинает с гостиной, где висит антикварное зеркало, упирающееся в потолок резным вензелем: ставит стремянку, накидывает на вензель одеяло и тщательно заправляет края за деревянный оклад. Стремянка подрагивает и поскрипывает, с трудом удерживая массивное тело, закутанное в засаленный махровый халат. Тяжко дыша, он слезает вниз, чтобы направиться в прихожую, где использует старую скатерть с бахромой (благо зеркало поменьше); в ванной достаточно полотенца. Еще одно зеркало — в его комнате, точнее, в *норе*, в смрадном логове, где он отлеживается после церемонии завешивания, — закрыто давно и навсегда. Отражающие поверхности его то ли бесят, то ли пугают, но, как только из *норы* доносится храп, я сдергиваю покрывала. Прятать их бессмысленно — утром все равно будет тупо и методично шарить по квартире и таки разыщет, чтобы опять завесить плоскости, где отражается небритая физиономия и потухшие глаза. И все же я делаю это в желании избавиться от ощущения, что в доме покойник. Или покойник впрямь есть? Тот, кто отлеживается в логове, чья физиономия покрыта щетиной, а глаза потухли — не походит на живого. Он забывает чистить зубы, может неделю не мыться и месяц не выходить из квартиры. Разве что вылезет на балкон,

обычно в дождь, где может стоять часами, чтобы насквозь промокнуть. Живой наверняка бы продрог, подхватил воспаление легких и уехал бы в реанимобиле; а этому хоть бы хны! Прошлепает в логово, оставляя мокрые следы на полу, завернется в грязный плед и сидит, уставившись в стену. Через приоткрытую дверь видно, что лицо бесстрастно, оно похоже на маску языческого божества. Лишь иногда по лицу пробежит судорога, появится гримаса — и опять пугающая неподвижность сфинкса.

— Не понимаю — зачем?!

Это уже я срываюсь, не в силах терпеть абсурд. Пауза, затем звучит ответ:

— Не хочу, чтобы за мной наблюдали.

— Кто за тобой наблюдает?!

— Они. Их мир не похож на наш, и мы для них... Ну, что-то вроде зверинца. Точнее, альтернативной вселенной.

— Какой, к черту, вселенной?!

— Наша вселенная для них — средоточие кошмаров. Наш мир — это их ад. А мы исчадия ада!

То есть когда сфинкс оживает — хорошего тоже мало. Лучше бы покойник помалкивал в тряпочку, оставив фантазмы при себе; но, если его прорвет, как говорится, тушите свет.

— Они не относятся к нам всерьез, не переживай! Мы же не относимся всерьез к фильмам про зомби, правильно? Но чем-то мы любопытны, поэтому через зеркала за нами подсматривают.

— Ты их тоже видишь?!

— Их нельзя увидеть. Можно почувствовать. Вы тупые, ничего не чувствуете, но это ваши проблемы.

В интонации сквозит усталость, дескать, какой смысл объяснять вам, непосвященным, рожденным не летать — ползать?! И я сдаюсь. Можно спорить, сыпать аргументами и носиться со своей безупречной логикой как дурак с писаной торбой, но что толку? Чем убедительнее возражения, тем хуже. Что-то начинает сдвигаться в этой голове, когда загоняешь оппонента в угол, исходя

из благого намерения: вернуть здравомыслие. Или поделиться своим здравомыслием? В любом случае следует срыв, предваряемый мучительной мимикой, будто ему в одно место раскаленный шомпол вгоняют. А потом такое выползает...

Он воюет с монстрами в телевизоре, утверждая, что это неживые существа. Они, мол, состоят не из плоти и крови, а из пикселей, по большому счету — это электронные фантомы. И то и дело норовит швырнуть в очередного монстра (обычно — в смазливую дикторшу) тапку либо что потяжелее. Итог — перемещение «зомбоящика» на антресоль, подальше от предметов, способных разожечь кинескоп. А еще раньше он представлял себя пассажиром самолета, которому суждено вот-вот врезаться в скалу. Типа вся наша пятиэтажка со всеми своими насельниками есть турбореактивный летательный аппарат, в чьих двигателях топливо на исходе. А внизу горная гряда! Гул двигателей помаленьку затихает, то бишь керосина — йок, и три сотни пассажиров через считанные секунды отправятся в мир иной. Я пытался шутить (хотя какие тут, на хрен, шутки?!), мол, скопом помирать не страшно! А он кричал: «Страшно!» — и, как рекомендуют бортпроводники, сгибался пополам и закрывал голову руками...

На этом фоне завешивание зеркал — детская забава, гораздо мучительнее прислушиваться к звукам из его комнаты. Мерный скрип паркета не пугает, значит, ходит из угла в угол. Но ближе к вечеру скрип стихает, и я замираю. Дальнейшее непредсказуемо, как игра в «русскую рулетку». Может стук в стену послышаться, и тут поди догадайся — ногой стучит или головой? Может что-то со звоном разбиться, хотя, по идее, биться нечему: стеклянные предметы либо расколошмачены, либо убраны от греха подальше. А самое ужасное — его ор. Начинается с тонкой ноты, вроде как кто-то тянет долгое «И-и-и...», чтобы затем обрести нужные децибелы и резко взмыть утробно-хриплым «А-а-а!» На пике вопля мое сердце колотится так, что готово пробить грудную клетку. Внезапно звук обрывается, наступает звенящая тишина, а дальше

опять «рулетка», потому что реакция живущих слева-справа (выше-ниже) непредсказуема. Могут стучать по батарее, могут звонить в дверь или, перевесившись с балкона сверху, кричать: «Вы что, с ума посходили?!»

Насчет лежащего за стенкой — абсолютно в точку, но и тот, кто слушает ор с колотящимся сердцем, непохож на умственно полноценного. Соседей не должно быть, мы совершенно одни, в радиусе парсека разумных существ вообще нет! Этакое полное одиночество во Вселенной, когда заброшенные на окраину Галактики не имеют шансов вернуться в обитаемый космос; а те, кто кричат, — и впрямь электронные фантомы или, если угодно, голограммы!

Так вот: разве подобные мысли свидетельствуют об умственном здоровье? Вряд ли. Поэтому распаленный мозг, спасая себя от перегрева, в финале этого гранд-макабра тоже начинает вопить: «Когда же ты отключишься, черт побори?!» Мозг знает: внутренняя «батарейка» живущего за стеной имеет ограниченный заряд, после выплеска неизбежна отключка.

Статус-кво восстанавливается (хотя бы отчасти) во время сна. Непокойного, с бормотанием, криками и проклятиями непонятно в чей адрес. И все же это отдушина, возможность расслабиться, ненадолго вернуться из макабрического — в нормальный мир. Входя в *нору*, не включаю люстру (не дай бог разбудишь!), просто отдергиваю шторы, чтобы впустить свет законного фонаря. И начинаю приборку. Мертвенное неоновое освещение выхватывает из темноты тарелки с объедками, чашки с недопитым чаем, пепельницу с окурками, блюдце (опять же с окурками), пыль на книжных полках, пыль на компьютере... То есть пыль при таком освещении незаметна, но я знаю о ней и смахиваю тряпкой. Книжные корешки выстроились в ряд и давно не меняют расположения. Ницше рядом с Витгенштейном, тот соседствует с Шопенгауэром, за ним следуют Ортега, Слотердаик, Ролан Барт и прочие столпы современной (и несовременной) мысли. Даже

в полутьме видно, что порядок следования томов — тот же, что неделю назад, месяц назад, etc. До книг давно не дотрагиваются, как и до компьютера. Хорошо это или плохо? Насчет книг плохо, насчет компьютера — не факт. Он такие перлы может выбросить в Сеть — мама не горюй! Что творится в этой черепной коробке, под этой нечесаной копной? Один бог знает, хотя, боюсь, даже ему слабó разобраться с неуправляемым потоком сознания.

Самое непереносимое в логове — запах. Тут стоит тяжелый, солдатский какой-то дух, из-за чего хочется зажать нос и выско-чить вон. Лишь усилием воли, мысленно отключив обоняние, заставляю себя убирать огрызки, засохшие корки и выгребать из-под дивана засморканные и скрюченные носовые платки. Хорошо — не носки, он давно никуда не выходит и вообще не надевает носков. Платки же регулярно зашвыривает под диван, и выгрести их, кроме меня, некому. А главное, в его присутствии этого не сделаешь, он терпеть не может чужого вторжения, мол, не суйся в мою авгиеву конюшню! Она прекрасна в своем воню-чем безобразии!

Порой приближаюсь к закрытому зеркалу, стаскиваю набро-шенную простыню и всматриваюсь в отражение. Полумрак скра-дывает детали, в зеркальной глубине мерцает лишь темный си-луэт, чей именно — непонятно. Представим: отражается тот, кто храпит на диване. Вероятно, он тоже не любит разглядывать себя при свете, любит таинственный полумрак. А тогда вполне мо-жет показаться, что по ту сторону амальгамы, в зазеркалье, жи-вет некий черт. Но назвать черта чертом он боится, потому и вы-думывает ересь про альтернативные вселенные. Или там живет нечто другое? Некая тайна, загадка, решив которую, подберешь магический ключик к решению всех проблем? Внезапно вспо-минается сказка про зеркало злого тролля, в котором все доброе и прекрасное уменьшалось донельзя, а все негодное и безобраз-ное, напротив, увеличивалось, бросалось в глаза и делалось хуже, чем на самом деле. Когда зеркало разлетелось на мелкие осколки,

оно не утратило своих качеств, и каждый осколок, попадая в глаз или сердце человека, превращал его в монстра, чье отношение к окружающему миру менялось с веселенького плюса на огромный черный минус. И тот, кто спит, возможно, и есть мальчик Кай со злосчастным осколком внутри. Как иначе объяснить чудовищные фантазии, страхи, крики? Кай не виноват, ему просто не повезло! И если приложить усилия, произвести некую операцию по изъятию осколка, все чудесным образом изменится. Потру спящий проснется, протрет глаза — и увидит мир в другом свете. Кай удалится в свою сказку, с дивана поднимется Максим, *красивый, двадцатидвухлетний* (по паспорту ему и есть двадцать два), и весь морок, насланный коварным троллем, рассеется, как утренний туман. Уйдет одутловатость, рыхлость, исчезнет дурной запах изо рта, потухшие глаза вспыхнут, а засаленный халат окажется в помойном ведре. Многомесячное заточение закончится, он выйдет на улицу, прогуляется по пешеходной зоне (ее открыли недавно, Максим там еще не был), где встретит университетских друзей. А может, девушку по имени Аня, которую он обязательно пригласит в кафе и займет интересной беседой. Максим может любую тему развить, он же умница! И девушки за ним стайками бегали, как и друзья, считавшие *Макса* душой компании. Где вы, друзья, где прелестные гурии-однокурсницы?!

«В Караганде!» — отвечаю себе, сдерживая разгулявшуюся фантазию. Обстановка и без того сюрреалистическая, наверное, зеркало виновато. Его мерцание завораживает: вокруг силуэта серебрится аура, мелькают радужные блики от фонаря, все так таинственно, чарующе — того и гляди покажет рожу потустороннее *ничто*. А тогда лучше накинуть простыню обратно и выйти вон.

В сон проваливаюсь благодаря таблетке-другой имована, что обволакивает мозг пеленой и убаюкивает, позволяя забыться до утра. Под снотворным сплю мертвецки, но перед пробуждением начинают наплывать видения. Сегодня, например, гонюсь за неким подростком по темному лесу, крича тому в спину:

«Крибле, крабле, бумс!» Думается: это Кай, значит, заклинание поможет его расколдовать. Только куда там! Подросток, хохоча, с легкостью улепetyвает, лавирует между стволами, я же цепляюсь ногами за кочки и валежник, то и дело плюхаясь носом в мох. Лес становится гуще, темнее, и вдруг вместо привычных кочек под ногами разверзается болото! Я проваливаюсь по пояс, затем погружаюсь по грудь. «Крибле! — ору. — Крабле, мать вашу!» Но эффекта ноль, а подросток, обернувшись, хохочет, причем злорадно так...

Утром расчехляю завешенные вчера зеркала. В логове Кая (так условлено) зеркало остается закрытым, но в гостиной, прихожей и ванной своевольничать разрешается. Проснувшийся Кай, горестно оглядев разрушенную идиллию, опять хватается за скатерти и гардины, вроде как складывает слово ВЕЧНОСТЬ из льдинок, осуществляя бессмысленный Сизифов труд. Можно сказать, Кай — герой Сизифова труда! А? Неплохая шутка, *bon mot*. Жаль, состояние Кая не располагает к шуткам, тут все более чем серьезно. Взять хотя бы кормежку, каковая мало интересует Кая. У Максима, помнится, был отменный аппетит и при этом спортивная фигура; Кай потребляет пищу через пень-колоду, не занесешь в нору кашу либо яичницу — может день просидеть голодным. А фигура — рыхлая, полноватая, наверное, из-за воды, которую он поглощает в невероятных количествах. Вот и сегодня, пробудившись в полдень, Кай вначале долго и жадно пьет.

— Есть хочешь? Могу омлет приготовить. Или кашу.

Опустошив кружку, он кривит рот в усмешке.

— Каша, омлет... Суфле, камамберы... Желудочно-кишечная цивилизация!

— А без обобщений можно? Я просто спросил: завтрак приготовить?

Но тот молча уходит из кухни, чтобы заняться любимым делом. Глядя на то, как он балансирует на стремянке, не могу удержаться от реплики: неужели, мол, твои наблюдатели круглосуточный

пост выставили? Они ведь тоже иногда завтракают, обедают, наконец, спят!

— Они совсем другие, — слышится из-под потолка, — непохожие на вас, тупых.

— Ну да, похожие на вас, продвинутых!

— И на нас непохожие. Но речь не о них. О вас!

— Чем же мы не угодили?!

Задрапировав зеркало, он спускается вниз.

— Большинство рода человеческого, — говорит устало, — космическая отбраковка. Она сослана на нашу планету, как в свое время англичане ссылали каторжников в Австралию. Зачем? Чтобы вы друг друга уничтожили — сами, без чужого вмешательства. Что вы с успехом и делаете.

— Но это какая-то провокация геноцида!

— Почему же? Вам дали шанс. То есть дали смотрящего — библейского Бога-Творца. Более разумная форма жизни дала менее разумной форме инструкцию из десяти пунктов. Но вы не слишком усердно ее выполняете. То есть вообще не выполняете, а только жрете, кайфуете, гнобите друг друга...

— А вы, значит, выполняете?

— Мы хотя бы понимаем, что происходит. Вы — не понимаете!

Я знаком с этой бодягой, в ее основе разделение сапиенсов на *хуматонов* и *люденов*. *Хуматоны* — это мы, грешные, *людены* — они, обладатели подлинного знания. И хотя в высокомерных рассуждениях абсурда в избытке и подловить *людена* элементарно, я этого не делаю. Логический сбой в хрупкой конструкции, что создана в нечесаной башке, ведет к срыву.

Но сегодня почему-то хочется лезть на рожон.

— А твои друзья? — спрашиваю. — Бывшие, с факультета? Они тоже хуматоны, как ты выражаешься?

— У меня есть друзья?! — вскидывает брови.

— Были, во всяком случае. И девушка была, как же ее звали... Напомни!

На лице отражается мучительная работа мысли.

— Ты говоришь про тех, кого нет, — звучит ответ. — Они умерли, разве ты не знаешь?

Чувствуя, что пребываю в шаге от ада, сбавляю обороты. Увы, они-то живы, а вот Максим умер. Он исчез, вместо него мне подсунули Кая, в чьей голове причудливые мысли роятся будто пчелы после того, как в улей бросили горящую головешку. Это ты, Кай, *отбраковка*, это ты прибыл с какой-то планеты, где жизнь строится по абсурдным законам!

А ведь за окном нашей с Каем квартиры-тюрьмы должна быть нормальная жизнь (я говорю «должна», поскольку уже не уверен в ее существовании). Эта жизнь скукожилась и исчезла, как зеркало, на которое накинули гардину, — остались разве что звонки на автоответчике и SMS-сообщения. «Ты куда пропал?!» «Срочно перезвони главному!!» «Зайдите в ЖКС № 2, у вас долг по газу!» «Во вторник корпоратив на радио, не забудь!» Эта жизнь кричит разными голосами, возмущается, грозит, взывает к чувству долга, приглашает на пьянки, я же торчу дома будто прикованный к скале Прометей. Мой Кай не орел, клюет не печень, а мозг, и все же сходство проглядывает. Найти бы Зевса, что меня приковал, поговорить по-мужски... Увы, Зевс — это я сам, специально взял отпуск да еще запасаюсь липовым больничным. Куда поедешь отдыхать? Да пока не решил — куда-нибудь поужнее!

Догадывается ли о моем добровольном заточении кто-то из коллег? Возможно, хотя в глаза не говорят. В Пряжке трудно что-то скрыть, не мегаполис — провинция со всеми вытекающими. А если учесть, что Прометей трудится в районной газете, подрабатывает на радио и даже иногда приглашается на ТВ — приватность обеспечить стократ труднее. Но я стараюсь. И, если дело пахнет керосином, ужом изворачиваюсь, чтобы выхлопотать свободные дни и как-то обезопасить себя и моего визави. Философские бредни тут ни при чем, они лишь верхушка айсберга; ниже гнездятся другие опасности: незапертая дверь, например.

Открытая газовая конфорка. Пожар, наконец, ведь Кай запросто может уронить незатушенный окурок на матрас или палас. Отлучки из дому у меня минимальные, не дальше магазина, причем обратно всегда на рысях, с бьющимся сердцем, ожидая из форточки на третьем этаже истошное «А-а-а!!». Поэтому неудивительно, что законный мир блекнет, исчезает и превращается в нечто виртуальное. Вся реальность (если это можно назвать реальностью) сосредотачивается в четырех стенах, где разыгрывается пьеса абсурда на двоих.

Активно Кай реагирует только на дождь. Стоит забарабанить каплям по отливу — выходит на балкон, где торчит часами; морозящий дождь переходит в ливень, а он стоит, словно хочет насквозь, до кишок и костей пропитаться атмосферной влагой. На взывания вернуться — ноль внимания, лишь физиономию вверх задирает, силясь разглядеть что-то в серых, набухших водой тучах. Сверкает молния, слышатся раскаты, но Кай и не думает покидать балкон, пялится на вспышки, похоже, кайфуя от звуков грома.

Чувствуя полное бессилие, мечусь по комнате, где вскоре появятся мокрые следы. Идущие от балконной двери к его комнате, расплывчатые и огромные, они напоминают следы йети. Да-да, он не совсем человек, в нем живет чудовище, которое спустя час-другой вернется в нору, оставляя за собой маленький ручеек, стекающий с насквозь промокшего халата. Я иду за ним, вижу, как он прямо в халате укладывается на диван, и чувствую, как внутри набухает бешенство. У меня заканчивается отпуск, а возвращения к норме (да что там — хотя бы к намеку на норму!) так и не произошло. Кай не умер, Максим не воскрес, итог нашего двойного заточения — реликтовый гоминид, абсолютно не реагирующий на человеческий язык. А тогда следует подойти, развернуть гоминида от стенки и хлестануть ладонью по опухшей физиономии.

— Ты будешь слушать, что тебе говорят?! Будешь слушать?!

Еще удар, потом еще!

— Ты понимаешь, что я не смогу работать?! Писать, брать интервью, вообще уходить из дому?! И мы с тобой просто сдохнем с голоду, хоть это ты понимаешь?!

Продолжаю хлестать, и голова йети безвольно перекатывается слева направо и обратно. То есть опять реакции ноль! И тогда накатывает отчаяние. В бессилии опускаюсь на пол рядом с кроватью; еще немного, и из моей глотки тоже вырвется дикое «А-а-а!». Хочется, чтобы наше жилье провалилось куда-то в преисподнюю, чтобы хляби небесные разверзлись, и нас смыло волной вселенского потопа...

Спустя время истерика уходит. И накатывает стыд.

— Максим, прости меня... Слышишь?

Он лежит, отвернувшись к стене.

— Ты же можешь простудиться, серьезно заболеть...

По опыту знаю: он не заболит. Но хочется чего-то привычного, нормального, как у всех, и я, смахивая слезы, выдавливаю из себя беспомощные оправдания...

* * *

Свободу завоевываю посредством двух желтеньких таблеток: их нужно растолочь на блюде фаянсовым пестиком, после чего незаметно подмешать в пищу Каю. Почему незаметно? Потому что Кай отвергает любые препараты категорически. Просто выбрасывает их в сортир, а уж *что* при этом говорится в мой адрес, равно как и в адрес мировой фарминдустрии... Но выхода нет, жизнь, о которой почти забыл, наваливает куль с обязанностями, их надо выполнять, для чего следует обезопасить себя и моего поднадзорного. Желтенький препарат не превратит Кая в Максима (увы!), зато гарантированно отключит, свалит, срубит с ног и т. п. А тогда конфорки окажутся закрытыми, дверь запертой, никто не вывалится с третьего этажа, а крик снежного человека не прорвется сквозь бетонные перекрытия.

И все же беспокойство не отпускает. Я даже с виду не принадлежу к миру обычных людей, к их заботам, радостям и горестям: на носу у меня темные очки, на голове бейсболка с низко опущенным козырьком. Хочется быть господином инкогнито, человеком-невидимкой, отделенным от прочих горожан, бегущих по своим делам.

Особенно много бегущих на проспекте Победы, главной городской магистрали, проходящей через дамбу. Это земляное сооружение пересекает огромный овраг, внизу которого теснятся частные постройки и змеятся тропки, параллельные центральной улице. А главное, там абсолютно нет людей! На Победе их пруд пруди, несмотря на будний день, внизу же никого, поэтому после недолгого размышления спускаюсь на дно оврага. Не нужны мне знакомые, как и коллеги по работе; вообще никто не нужен (за время заточения я буквально одичал).

Прорука, однако, подстерегает и здесь.

— День добрый! — перегораживает дорогу некто в кирзовых сапогах.

— Добрый... — бормочу, — но я что-то не припоминаю, чтобы мы...

— Да вы же из газеты! К нам приезжали, когда наши халупы начальство сносить собралось! Помните?!

Ну да, когда-то писал в защиту проживающих в овраге...

— Вспомнили, да? А я вон в том доме живу, на склоне! — указывает обладатель сапог. Зависает неловкая пауза.

— И как? — спрашиваю. — Больше не пытаются сносить?

— Не, вы охоту отбили! У нас газета с вашей статьей до сих пор хранится!

Неожиданная встреча, случись несколько лет назад, доставила бы законное удовлетворение, мол, не зря ем хлеб, нужен! А тут ни малейшего удовлетворения, лишь досада на то, что плохо замаскировался. Еще глубже надвигаю бейсболку на лоб, прощаюсь и чешу дальше, поскользываясь на подмокшей тропке.

Следующий визит в ЖКС № 2, что тщетно пытается взыскать с меня недоимку. Я давно запутался в счетах, падающих в почтовый ящик, и наверняка что-то из них потерял. А тогда изволь бегать по кабинетам, пытаясь найти нужного клерка. Безумие — полчаса искать того, кто возьмет с тебя деньги, но безумием меня не удивишь. Я и тут не могу отрешиться: наблюдаю, как блондинка сурового вида заполняет квитанцию на оплату газа (нашелся клерк!), и вспоминаю очередной пассаж поднадзорного:

— Хуматоны — рабы углеводов. Убери от вас нефть и газ — моментально сдохнете. Вы напоминаете вампиров, что присосались к телу земли и высасывают из нее продукты трупного распада.

— Какого, к черту, распада?! — раздражался я, слыша в ответ, дескать, углеводородные ископаемые образовались из низших животных, живших миллиарды лет назад. И мы (хуматоны) — что-то типа падальщиков, все наше благополучие зиждется на переработке разложившихся трупов.

Заполнение движется медленно, кажется, блондинка специально мурыжит нерадивого плательщика. И подкатывает желание ляпнуть чего-нибудь насчет углеводородной зависимости современной цивилизации, чтобы у мадам глаза на лоб вылезли. Под сурдинку можно скомкать платежную ведомость, объявив: отныне я отказываюсь сжигать продукты распада, а договор с ЖКС № 2, посредником газоснабжающей компании — расторгаю! Понятно, я этого не провозглашаю. Пока хватает ума и воли не отдаваться на волю безумным порывам, но послед тянется, пуповина не обрывается, отчего на душе тревожно и тоскливо...

Город тоже пробуждает тоску. Исхоженный-изъезженный, он знаком до последней запятой, ну, если принять новомодную концепцию (ау, Кай!), что нынче все на свете — *текст*, в том числе городское пространство. На роман Пряжск не тянет, конечно, не тот масштаб. Для рассказа он великоват, а вот для повести — годится. Скучноватой повести, без неожиданных сюжетных поворотов и замысловатой игры образов. Основа текста

индустриальная, это дюжина предприятий разного масштаба, на каждом из которых когда-то пришлось побывать (газетчик, как-никак!). Но вагранки и станки с ЧПУ воодушевят разве что мастера производственной прозы, скуку этим не развеешь. Полдесятка церквей восстановлено, четыре из них действующие, только душу обмануть трудно, увы, не сумел (да и не старался) воцерковиться. Чем еще любопытна повесть? Памятником богатырям земли русской, парком с деревянными скульптурами, драматическим театром и даже своей филармонией. Но и «культурная среда» не греет. То есть когда-то грела, все театральные премьеры посещались, как и филармонические концерты. В рестораны захаживал, по парку регулярно прогуливался, благо жили тогда рядом, на Победе, а вот теперь интерес утрачен. Из всей повести актуальной выглядит лишь крошечная глава, а может, закономерный эпилог под названием «Пироговка». В Пряжске любой пацан знает это словечко, а уж взрослые и подавно. Звучит оно на каждом шагу, обычно с ироническим подтекстом: «Ты что — с Пироговки сбежал?!», «Тебе пора в Пироговку!», «Ну, вообще дурдом! Пироговка натуральная!»

Эта самая Пироговка являет собой полдесятка краснокирпичных корпусов, что запрятаны в глубине лесопарка, расположенного далеко и от дамбы, и от театра с филармонией. Зачем такое учреждение на центральные улицы выставлять? В городской чулан его, в медвежий угол, чтобы не портило парадный вид. И я, скажу честно, с таким подходом согласен. Двигаясь по улице, я стараюсь забыть Пироговку, выбросить ее из головы, будто нет этого мрачного (а то ж!) учреждения. Нет его! Нет!!

Н-да, нет повести печальнее на свете...

Возле сквера еще одна незапланированная встреча. Я бы с удовольствием ее избежал, только глаз художника не обманешь темиными очками, Монах в любом обличье вычислит.

— Ты чего, старик?! От солнца спасаешься?! Так вроде пасмурно...

— Глаз болит... — бормочу, — у меня этот... Конъюнктивит!

— А-а, понятно!

В неизменном черном берете, Монах торчит у кованых ворот, ведущих в зеленую зону с фонтаном и памятником тем самым богатырям. Сам на походной брезентовой табуретке, вокруг — с десяток холстов с намалеванными гротескными физиономиями земляков и плакат с ценником: «Шарж — 300 р., Портрет — 200 р.». Сашка Монахов отличный живописец; и график хороший, вообще член Пряжского отделения Союза художников. Но жить как-то надо, приходится, как он говорит, *выходить на панель*.

— Странные у тебя расценки, — говорю, озирая уродливые изображения. — По-моему, портрет должен стоять дороже.

— Согласен, — кивает Монах, — но тут ведь рыночная стихия. То есть предложение определяет спрос.

— Хочешь сказать: шаржи популярнее?

— И значительно! Портрет, как известно — зеркало души. Но заглядывать к себе в душу люди не очень-то хотят. Им бы поржать, постебаться, они готовы на искажения, лишь бы правды не видеть!

Обхожу ряд мастерски исполненных карикатур. Женщина с вытаращенными, как при базедовой болезни, глазами, мужик с дебильной улыбкой до ушей, существо неопределенного пола, типа трансвестит, с развевающимися волосами. Волосы напоминают Медузу Горгону; да и остальные изображения пробуждают в памяти то ли Иеронимуса Босха, то ли картинки из «Крокодила».

— А может, это и есть правда? — задаю вопрос, пройдясь вдоль «вернисажа». — Отражение их душ? Настоящее, без прикрас?

— Какая разница? Они платят, я исполняю...

Почему-то теперь не стесняются выставить напоказ душевное уродство, даже йети-Максим на этом фоне выглядит прилично. Вот откуда странное удовольствие от карикатур: приятно осознать, что мир, по сути, безумен, крив, кос, неадекватен...

— Ты чего-нибудь слышал про хуматонов? — спрашиваю.

— А это кто?

— Большинство рода человеческого. С виду похожи на людей, но они... Не до конца родились, что ли. Из детородного органа благополучно вылезли, смело зашагали по жизни, а внутри вроде как недоделанные. Так, не до конца рожденными, и помирают!

Зависает пауза.

— Старик, что-то тебя на философию потащило... — привстав с табуретки, Монах хлопает по плечу. — Лучше про себя расскажи. Куда пропал? О тебе спрашивают, а я ничего сказать не могу...

Излагаю отработанную версию насчет отпуска. Мне наплевать, верят или нет, я закрыт, как ракушка, давно никого не посвящаю в подробности своей жизни. Даже Монаха, когда-то дружившего с нашим семейством и написавшего однажды семейный портрет. Где та семья? Опять же — в Караганде, и Сашка был бы просто золото, если бы не касался этой темы...

Но он касается, предлагает опять сделать портреты, только теперь отдельно меня и сына.

— Где он, кстати? Я его уже столько времени не видел...

Мое лицо кривит судорога — хорошо, глаз не видно. Возможно, Сашка догадывается, но, как вежливый человек, не выпячивает догадки; я же бормочу про академический отпуск и отъезд к родственникам.

— Понятно... Ладно, заходи в мастерскую, выпьем, как раньше. Когда ты на Победе жил, чаще встречались.

Киваю, мол, обязательно зайду. А ко мне, Саша, заходить не надо. Это мой «Корабль дураков», я там и капитан, и боцман, и палубная команда; а вот для пассажиров места не предусмотрены.

Попрошавшись, двигаюсь дальше, к своей цели. Цель имеет обличье старинного особняка, выстроенного в стиле русский модерн и некогда бывшего во владении купца Мальцева. После революции особняк передали профсоюзам, где они влачили свое существование, пока градоначальник не повелел их выселить. Вначале хотели вселить туда управление железной дороги,

потом еще кого-то, но тут Пряжску повезло — открыли филиал питерского университета, точнее, трех гуманитарных факультетов. И в Мальцевку (так называли здание) въехали философы. По этажам вместо унылых функционеров забегала интеллектуальная молодежь, там зазвучали умные речи, и однажды по гранитным ступеням поднялся...

Вспомнив Кая, перед ступенями останавливаюсь. В очередной раз захлестывает тоска, когда вижу молодых парней и девушек, что входят в резные дубовые двери, выходят оттуда, оживленно переговариваясь, то есть живут своей жизнью. Веселой, полноценной, с планами, перспективами, результатами. А мой поднадзорный похоронен заживо, замурован, по сути, превратился в мумию. Когда тоска накрывает с головой, отхожу за угол и достаю сигарету. Не будем спешить — больше года ждал, могу еще подождать, ведь документы Кая лежат в сейфе и есть не просят. Всякое бывает: с зимнего семестра Максим, возможно, опять вольется в ряды студизусов и будет, как и прежде, блистать...

Увы, сам не верю своим доводам. Вольется, будет блистать! Мумия на это не способна!

Документами заведует седовласая дама, каковая делает мне выговор, дескать, два года академотпуска — нонсенс! Это вопиющее нарушение правил, не понимаю, как такое вообще позволили! По ходу обвинительной речи она роется в шкафу (насчет сейфа я преувеличил), разыскивает папку с делом и звучно хлопает ею об стол. А далее: вы знаете, что у нас недавно была комиссия из Министерства образования?! Мы же новый филиал, за нами глаз да глаз, мы должны качество преподавания обеспечить! Дама кипит праведным гневом, перебирая аттестат, характеристику и прочие бумаженции, свидетельствующие о подготовке и личностных качествах моего Кая. Права ли она? Безусловно, ее негодование оправданно. Неоправданно мое негодование, точнее, ярость, что внезапно выплескивается. Кажется, я произнес слово «заткнитесь!». Возможно, даже «заткнись!».

и еще что-то произнес, вроде бы совсем непотребное. И наплевать, что это защитная реакция — вот вызовет охранников и будет, опять же, права!

Положение спасает некто хромоногий, с выдавшим виды портфельчиком в руках. Войдя внутрь, тот хромает к столу седовласой и пытается ее урезонить (первоначальный испуг прошел, вот-вот грянет ответный гнев).

— Все в порядке, Марина Петровна, не надо так эмоционально... Студенту Знаменскому было специальное разрешение на два года академотпуска... В общем, отдайте документы, и мы уйдем.

Видно, хромой в авторитете, его слушаются, хотя документы, конечно, не отдают, а швыряют. И припечатывают: «Хам!» После чего меня выводят, ласково взяв за локоть, ведут куда-то по коридорам, по черным лестницам, чтобы в финале путешествия распахнуть передо мной двери каморки, забитой книгами. В свое время, надо полагать, купец держал в каморке прислугу либо собаку, а вот теперь тут, понимаешь, анналы...

— Мой кабинет, — улыбается хромоногий, — тесновато, зато приватность обеспечена. Значит, Максим не выйдет на учебу? Я сразу понял, что речь о нем, попытался сгладить...

Отвечаю, мол, в следующем году выйдет. Зачем я вру? По привычке, а еще для облегчения.

— Тогда придется поступать на общих основаниях. Мы и так писали письмо ректору, чтобы второй год выбить... Да, жаль. Большие надежды подавал!

Вспоминаю, как Максим рассказывал про хромого доцента со странным прозвищем Штрихкод. Кажется, это из-за фамилии Штрих (тоже странной), но по фамилии к человеку обращаться не будешь, тем более к тому, кто тебя только что выручил.

— Извините, не знаю, как вас...

— Ах да, не представился! Аркадий Ефимович. А вы, как я понимаю, отец Максима?

Кивнув, снимаю очки. Теснота каморки-кабинета дает возможность без труда читать на корешках фамилии, многие из которых знакомы — тот же набор титанов мысли и виртуозов философского дискурса, что на полках Кая. Но Аркадий Ефимович, видно, свой среди титанов: не обращая на них внимания, роется в ящиках стола, перебирает стопки бумаг, что высятся на столешнице.

— Где ж эта работа... — слышу бормотание, — извините, время прошло... А Максим, значит, не уехал в Петербург?

— А должен был?

— Вроде собирался... Как он вообще? Год назад заходил, мы подискутировали, но больше я его не видел...

Наконец извлекается тоненькая стопка листов на скрепке. В сравнении с толстенными фолиантами, что теснятся на полках, она выглядит ничтожной, и очень странно, что Штрих поднимает ее над головой, как нечто сакральное.

— Вот она! Хотел вернуть Максиму, но он почему-то не захотел забрать. А работа очень любопытная. Парадоксальная, я бы сказал — на грани фола!

И хотя я для титанов чужой, внезапно вспыхивает интерес. Где грань этого фола? Что за гранью? Может, откроется некий секрет, то есть Штрихкод преподнесет на блюдечке штрихкод, в котором будет зашифрован рецепт спасения Кая? Этаким философский «Крибле, крабле, бумс»?

Объяснение сути сродни разговору китайца с эскимосом — ну очень разные понятийные матрицы в нас заложены. Я понимаю одно: любую системность Максим отрицал, считал глупостью, и чем дальше, тем больше погружался в экзистенциальную проблематику. Причем не в труды Сартра или Камю (это устарело, извините), скорее, в глубины восточной мудрости.

— Да вот хотя бы это... — пролистывают страницы. — Ага! Вся индусская философия — в чувстве ужаса. Ужаса не перед смертью — перед рождением. Ни у кого не хватает смелости сказать о «пропасти рождения», формуле, которая часто встречается

в буддийских текстах. А между тем рождение — это пропасть, настоящая бездна... Это он цитирует Чорана. Читали Эмиля Чорана?

В ответ пожимаю плечами.

— Крайне пессимистический мыслитель. Самый большой пессимист в прошлом столетии. Ну и Ницше Максима увлекал. Причем более всего последние годы жизни, когда тот представлял себя Христом, Дионисом и еще бог знает кем. Предсмертная истерика, отягченная душевной болезнью, но Максим почему-то очень этим интересовался!

Негусто, если резюмировать. Слышал, Ницше плохо кончил, но где он и где Кай? На «крибле-крабле», во всяком случае, объяснения не тянут, и тут же накатывает желание рассказать о завешенных зеркалах, о стоянии под дождем, об авгиевой конюшне, о диких криках йети... Вывалить, короче, подноготную, а потом спросить: ну как, Аркадий Ефимович? Чоран отдыхает?

Но я такого не сделаю. Даже если задают прямой вопрос насчет Кая-Максима, уваливаю: либо отмалчиваюсь, либо безбожно вру. Вот и сейчас, резиново улыбаясь, забираю работу, благодарю и обещаю, что передам автору.

Далее блуждаю по коридорам и лестницам купеческого особняка, ориентируясь на звук молодых голосов, щебечущих о своих молодых проблемах. Когда выгребаю в заполненный молодежью холл, украшенный маскаронами и большой резной розеткой под люстрой, тут же водружаю на нос очки. Здесь наверняка тысяч бывшие приятели Кая. Помнится, год назад они еще звонили, кто-то даже заходил, пытался беседовать с затворником; но тщетно, все уходило несолоно хлебавши. А кое-кто и убежал, торопливо втискивая ноги в ботинки и забывая зонтик в прихожей. Тогда комната еще не была конюшней, зеркала стояли открытыми, но месседжи Кая уже пугали, все более отделяли его от тех, кто сейчас вывалил в холл на перемену.

Двигаясь сквозь толпу, которая пребывает в броуновском движении, переговаривается, смеется, исподволь озираюсь.

Иногда броуновские частицы обретают конкретный человеческий облик. Кажется, вот этот вихрастый брюнет был у нас в гостях. Или был вон тот, с большой головой и в массивных роговых очках? В голове вертятся имена-фамилии, плохо совмещаясь с реальными лицами. Да и что я им скажу, если угадаю? Здравсьте, передаю привет от снежного человека? Если честно, я боюсь быть кем-то узнанным. И одновременно — хочу быть узнанным, хочу проявления хоть какого-то интереса. Почему вам нет никакого дела до мумифицированного товарища?! Почему вы заняты исключительно своей жизнью, а помочь ближнему не хотите?! Обида душит, мельтешение молодых вокруг — бесит, так что я готов присоединиться к недавно услышанному, мол, они умерли. Удобная версия: представишь такое — и сразу легчает. Это лишь видимость реальности, тусовка привидений, они даже не хуматоны, и уж тем более не людины. Кай в свое время приписал к почетному ордену знающих и понимающих некоторых однокашников, но потом исключил. Взвесил на метафизических весах, нашел очень легкими и вычеркнул из списков. Они недостойны пребывать в рядах ордена, они ленивы и нелюбопытны, даже странно, что их зачислили на философский факультет!

Хотя меня интересует лишь одно лицо. Обнаружь его в толпе, не обознался бы, не перепутал фамилию, а подошел бы, и... Неизвестно, что бы произошло. Но мне очень хочется увидеть это лицо, вполне себе миловидное, хочется заглянуть в карие глаза, а еще лучше взять за руку, тонкую, с длинными пальцами, и отвести к нам домой, по дороге объяснив резоны.

Увы, нет нужного лица. Есть только стенд со списочным составом групп всех пяти курсов, к нему и направляюсь. Сейчас Кай был бы на пятом курсе, почти выпускник, а она должна находиться в списках четвертого. Да, она училась на курс младше, и, хотя номер группы не помню, прочесть все фамилии не составляет труда. Вот она, Прохорова Анна из группы 727! На соседнем

стенде висит расписание, и остается только спросить у какого-нибудь студюозуса, где нужная аудитория, чтобы встать у двери, заглянуть в глаза, взять за руку и т. п.

Группа медленно втекает в аудиторию то ли на лекцию, то ли на семинар. Где же она?! Ага, идет, теперь следует вовремя перекрыть путь, поскольку из аудитории ее будет трудно вынуть. Встав на дороге, создаю небольшую пробку из молодых тел. Из-за ее спины уже доносится:

— Ань, чего застряла? Звонок через минуту!

Но мы молча глядим друг на друга. Несмотря на мой шпионский вид, меня узнали, и сейчас лицо Ани искажает болезненная гримаса, будто ее чем-то укололи.

— Мне нужно отпроситься, — произносит наконец.

— А дальше что? — напористо спрашиваю.

— Подождите меня на улице.

Не знаю, выполнят ли обещание, но путь освобождаю. Как иначе, ведь молодые сомнут по дороге к знаниям, а потому спустя пару минут уже курю на скамейке перед Мальцевкой. Возможно, я неправ. То есть стопроцентно неправ, я — утопающий, что хватается за соломинку...

Моя *соломинка* вскоре появляется из резных дверей. Приблизившись, садится и смотрит прямо перед собой. А затем начинается спич. Мол, не надо ее выслеживать, тем более являться на занятия, где куча знакомых. Если нужно пообщаться — есть телефон, номер наверняка сохранился (тут она ошибается, все номера давно стерты Каем). С другой стороны, она не понимает, на какую тему общаться?! Она сделала все, что могла, даже больше, чем могла!

— Вы что-то не то говорите... — произношу по возможности мягко.

— Почему же?! — звучит резкий вопрос.

— Надо начинать не с себя. Вы хотя бы поинтересовались его состоянием...

Пауза, после чего Аня просит сигарету. Видно, давно не курила (а может, вообще не курит), потому что начинает кашлять.

— Не очень состояние, — продолжаю, — точнее, просто отвратительное. Но это почему-то никого не интересует.

Прокашлявшись, Аня швыряет окурок в урну.

— А чем я могу помочь?! Именно я?! Вы не представляете — что он мне говорил! В том числе насчет наших отношений!

Почему же? Вполне представляю, например, не так давно я услышал, что любовь — всего лишь трение друг о друга слизистых тел. Истина оказалась заемной, из Марка Аврелия, хотя удивило другое — Максим во время оно вовсе не пренебрегал «трением», даже беспокойство возникло насчет того, чтобы у них раньше времени дети не появились. Может, зря беспокоились? Может, если бы появились, не случилось бы ужасное?

Впрочем, это очередная соломинка. Не помогут дети, как и карие глаза, которые упорно отводят. И тонкая рука с длинными пальцами, возьмись я за нее, будет с испугом вырвана, потому что Аня боится. Я чувствую ее страх, ее стремление отодвинуться даже от меня, полпреда снежного человека, чего уж говорить о самом йети!

— Да, боюсь! — отвечают на прямой вопрос. — А вы разве нет?!

Я пожимаю плечами. Боюсь или нет — не суть важно. Поздно пить боржом, как говорится; если же прибегнуть к «глубинам восточной мудрости» — это моя карма, с которой не поспоришь...

Бессмысленную беседу прерывает некто мужского пола, в кожаном плаще и с коротким ежиком на голове. Выбежав из резных дверей, он находит нас взглядом и быстрым шагом направляется к скамейке.

— Ты скоро? — обращается к Ане. — Препад интересуется: куда подевалась? Ты ведь докладчик сегодня, помнишь?

— Помню... В общем, я все сказала. — Она встает. — И больше, пожалуйста, меня не разыскивайте.

Обладатель плаща устремляет на меня холодные серые глаза.

— Подожди, Ань... От меня тоже просьба: оставьте девушку в покое. Она ни в чем не виновата. И теперь у нее... То есть у нас — своя жизнь, и лезть в нее я не позволю!

Он скачет передо мной, молодой петушок, хлопающий крыльями в присутствии дамы. Но ответа петушок не дожидается, мои крылья поникли, а клюв безвольно повис. Остается только молча наблюдать, как пара (а они, безусловно — пара) дефилирует к дверям и скрывается внутри особняка. По окончании занятий они выйдут обратно и, не увидев моей мрачной физиономии, с облегчением вздохнут. После чего отправятся на прогулку, перейдут через дамбу и усядутся в кафе «Пряжа», что на берегу реки. Закажут мороженое с шампанским и будут весело чирикать, обсуждая какой-нибудь модный философский «тренд». А вечером или даже днем, не дожидаясь темноты, займутся *трением слизистых тел*, страстно, меняя позы и задыхаясь от желания, — что поделать, молодежь!

Вспомнят ли они того, кто сидит взаперти в квартире с закрытыми зеркалами? Вряд ли. А если вспомнят, тут же замнут тему, дескать, что мы можем сделать?! Так что в сухом остатке негусто — документы Кая и его «парадоксальный» опус. Вспомнив сакраментальное: «Не выходи из комнаты, не совершай ошибки», жалею, что не остался дома (лежали документы больше года — полежали бы еще неделю).

Внезапно вспыхивает тревога. Что делает поднадзорный? Разогрел ли еду? И если да — не оставил ли сковородку на горячей конфорке? Было дело — возвращаюсь после отлучки, а в доме чад от сгоревшего постного масла и раскаленная чугунная сковорода! Вытаскиваю по привычке мобильный, затем в бессилии прячу обратно. Кай презирует гаджеты: либо отключает их, либо вообще вынимает батарею и зашвыривает туда, где валяются сморщенные платки — под кровать.

Когда тревога перерастает в панику, быстрым шагом направляюсь к остановке. Не первый раз представляю картину: во дворе

урчит мотором машина с красным крестом, и дюжие санитары выводят из подъезда моего Кая. Тот дергается, выкрикивая нелепости и привлекая внимание соседей. Перед посадкой в машину удается вырваться, после чего за человеком в засаленном халате гоняются по двору. Человек перепрыгивает детские качели, прячется за деревянной горкой, потом пытается залезть под скамейку. И кричит при этом в голос! Все население пятиэтажки уже торчит в окнах, с азартом, как зрители на гладиаторских боях, наблюдая за погоней. Ату его, психа, мешающего спокойно жить! Наконец беглеца выуживают из-под скамейки, он исчезает в недрах машины, но зрители не покидают зрительских мест. Тут ведь я, тоже виновный! Остракизму подвергнуть того, кто покрывает невменяемого! Выкинуть к чертовой матери из нашего кондоминиума!

Игра воображения спровоцирована воспоминанием из времени, когда жил на Победе с родителями. У нас была соседка, жена замдиректора камвольного комбината, большого любителя женских прелестей. Муж ходил налево, неработающая супруга пила и допилась до психического расстройства, так что за ней приехали из Пироговки. Были санитары, беготня по двору, причем одета строптивая пациентка была именно в халат. В процессе борьбы халат сорвали, в машину ее засовывали в одних трусах розового цвета. Грязные розовые трусы и дикий ор, заставивший высунуться из окон половину двора, впечатались в мозг навсегда, потому и спешу к остановке. Стою пять минут, десять, автобуса нет, и я наискосок через парк бегу домой.

Скорой во дворе не видно, что уже хорошо. Через ступеньку скачу по лестничным маршам, с третьего раза попадаю ключом в замочную скважину, вот я и дома. В квартире тихо. С бьющимся сердцем прохожу на цыпочках к дверям его комнаты, пребывая в надежде на то, что Кай еще дрыхнет (желтенькие таблетки ко всему прочему обладают седативным эффектом, и они для меня — тот длинный поводок, что позволяет отлучаться

из дома-тюрьмы по своим надобностям). Слегка приоткрываю дверь, чтобы в щелку увидеть: кровать пуста. Тогда дверь нараспашку, и вот картина маслом: Кай сидит за столом, обложившись бумагами, и что-то вычерчивает карандашом.

— Чем занят? — вопрошаю, успокаиваясь. (В ответ — молчание.) — Я, по-моему, тебя спрашиваю!

А тот и ухом не ведет, погруженный в непонятное занятие. Наконец поворачивает ко мне голову:

— Я делаю гороскоп.

— Ах, вот оно что...

— Посмертный, — уточняют после паузы. (О, черт! Не успеешь прийти в себя, тут же новый сюрприз!)

— Не понял... — говорю растерянно, — что значит — посмертный гороскоп?!

Следует очередное усталое объяснение, мол, после физической смерти субстанция, что остается жить, получает свою судьбу. Каковую можно угадать так же, как судьбу посюстороннюю. Понятно, что хуматонам такого не дано, но люди с большой буквы вполне могут заглянуть в это гипотетическое будущее...

— И где же изволит пребывать твоя драгоценная субстанция? — начинаю язвить. — В раю? В аду? Может, в чистилище?

Вижу кривую усмешку, затем выдают:

— Там ничего этого нет. Вы, глупцы, напридумывали всякой чуши... Лично я буду пребывать на Бетельгейзе.

— Где-где?!

— Это звезда. Одна из самых ярких на нашем небе.

— Ага. Ну, а я где буду?

— На тебя гороскоп еще не составлен. Но я и так знаю: ты будешь в другой части галактики.

— Как это?! Несправедливо! Я все-таки не чужой тебе человек!

— Ты? Ты чужой. Поэтому уходи и не мешай.

И хотя на обиженного богом обижаться не стоит, меня такое ранит. Твою мать! Тот, кто за тобой убирает дерьмо, кормит тебя,

оберегает от враждебного мира — чужой! Опять накатывает желание отхлестать будущего жителя Бетельгейзе по щекам, однако я себя сдерживаю. Направим взрыв внутрь, как бывало не раз, благо до выхода на службу еще несколько дней.

Вечером запасаюсь бутылками с этикетками «Пряжская». Не пластиковыми (в них разливают минералку с таким названием), а стеклянными, в которых содержится *огненная вода*. Продают это пойло в магазине шаговой доступности, что за углом нашей пятиэтажки, а запас делается, чтобы десять раз не бегать и не светить опухшей рожей перед соседями. Им не объяснишь, мол, предаюсь добровольному сумасшествию, как назвал пьянство один мудрец. Почему предаюсь? Потому что завидую тому, кто живет за стенкой — его свободе-безответственности. Он живет аки птица небесная, не сеет, не пашет, а боженька (моими руками) ему все дает! Мне б так жить!

Поначалу впихиваю в себя водку через силу. Не заработал за жизнь привычки, так что давись — а пей! Потом, как в известном присловье, рюмки начинают влетать мелкими пташками, и «Пряжская» водка превращается в воду. Вскоре многие вещи теряют значимость, вроде как девальвируются. Нагоняй от главреда, если вовремя не выйду на работу? Мелочь! Мой внешний вид? Пустяк! Живущему за стенкой можно не стричься — не бриться, а я чем хуже?! И счет дням потерять можно, поскольку дни начинают сливаться с ночами, путаться; а главное, можно выкинуть из головы поднадзорного. Поначалу я еще приоткрываю дверь, чтобы понаблюдать за моим «астрологом», затем прекращаю. Пусть улетает в своем больном воображении на границу обозримой Вселенной — ей от того ни тепло, ни холодно.

Когда дожди прекращаются, появляется возможность наблюдать с балкона за бездонным звездным небом. Эти светящиеся шары отделены друг от друга триллионами километров, и если мы в посмертном бытии окажемся на разных концах галактики, то любая встреча исключена. Но ведь она исключена и сейчас,

когда нас отделяет друг от друга всего лишь тонкая (да еще звукопроницаемая) стена! За стеной живет космическое одиночество: не пришелец, а, скажем так, *ушелец*. Он ушел, выскочил за пределы человеческого мира, и вернуть его обратно пока не представляется возможным.

Я тоже делаюсь *ушельцем*. Пищу почти не потребляю, разве что занюхиваю, живу исключительно на огненной воде. Жаль, запасы заканчиваются, надо в магазин. Двигаюсь, как сомнамбула, по стеночке, а навстречу рыжеволосая мадам с пуделем на поводке.

— Артем Валерьевич! — восклицают. — Что с вами?!

Инстинктивно оглядываюсь, вроде как желаю разглядеть за спиной Артема Валерьевича. Потом вспоминаю: это я сам. Но не верю, отвечаю грубо: чего, мол, надо?!

— Да ничего не надо! Как не стыдно! В зеркало на себя посмотрите!

«А это идея!» — думаю, возвращаясь с двумя бутылками «Пряжской». Заглатываю половину бутылки, после чего приближаюсь к задрапированному зеркалу. Я положил с прибором на обязанность что-то там расчехлять, но сегодня пришел час, когда надо взглянуть в глаза правде. Или чему-то еще? По мнению Кая, там живет что-то больше и значительнее, чем правда...

Сдернув гардину, таращусь в мерцающую глубину. Свет не включаю, поэтому виден лишь темный силуэт, который вскоре начинает двоиться, и вовсе не из-за воздействия алкоголя. Почему я боюсь и ненавижу тех, кто отражается в поблескивающим стекле? Темные абрисы без глаз, без черт лица — по сути, ничтожные тени, а страсти пробуждают нешуточные! Более того, у меня чувство, будто я сам — тень. И из меня, безвольного и беспомощного, зазеркальные существа высасывают жизненную субстанцию. Полупрозрачная, едва заметная прана исходит из меня, как некий пар, и перемещается на ту сторону стекла. Я слабею, будто лишился души, они же, напротив, разрастаются,

множатся, их уже не два, а пять, десять, и каждый норовит высунуть рожу из зеркала.

— Ты ничтожество! — кричит одна рожа. — Лузер!

— Да он просто отбраковка! — орет другая рожа. — Он сослан сюда, как каторжник в Австралию, его вечная обязанность — присматривать за снежным человеком!

— А после смерти мы сошлем его еще дальше! — вопит третья. — Его место — в медвежьем углу галактики!

Я хочу возразить, мол, кого вы собираетесь сослать в медвежий угол?! То есть — что сослать?! Душу из меня высосали, вы ее хозяева, делайте что хотите! Но возражения замерзают на губах. Силы покинули меня, я даже не могу замахнуться зажатой в руке бутылкой и размогнуть зеркало, прекратив издевательскую вакханалию. Пользуясь моей беспомощностью, зазеркальные с легкостью перешагивают границу миров и кружатся вокруг меня, крича и хохоча, в дьявольском хороводе...

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I. МЕРТВЫЕ ДУШИ	5
1. <i>Кай</i>	7
2. <i>Майя</i>	36
3. <i>Двойник</i>	65
4. <i>Капитан</i>	108
ЧАСТЬ II. КРУГИ ИНФЕРНО	139
1. <i>Ковач</i>	141
2. <i>Пироговка</i>	168
3. <i>Трепанация</i>	198
4. <i>Рубикон</i>	235
5. <i>Ад</i>	282
6. <i>Кукла</i>	327
ЧАСТЬ III. ВОСКРЕСНУТЬ В ЗАЗЕРКАЛЬЕ	355
1. <i>Ковчег</i>	357
2. <i>Мекка</i>	385
3. <i>Адам и Ева</i>	409

Читайте книги ИД «Городец»

Сергей Суханов

«Тень Химавата». Роман

Про упорного человека говорят, что он может горы свернуть. Все три главных героя романа отличаются завидным упорством в достижении поставленной перед собой цели.

Македонянину Гермею важно вернуть захваченную саками Северную Индию эллинам. Индеец Бхима готов изменить вере и покинуть материнский дом ради брахманки Винаты. Иудей Иешуа, претерпев лишения, в награду за упорство обретает бесценные знания и навыки, которые помогают ему найти священные реликвии иудеев.

Древняя Индия встречает читателя буйной природой, сложными до странности, часто зловещими ритуалами, завораживает красотой храмов и дворцов, делает участником невероятных событий, от которых захватывает дух. Война, кровь, любовь и колорит Древнего Востока — все это есть в романе. А еще магия — куда же без нее.

Интернет-магазин gorodets.ru

Читайте книги ИД «Городец»

Составитель серии А. Геласимов
«Ковчег-Питер». Сборник повестей

В сборник вошли произведения питерских авторов. В их прозе отчетливо чувствуется Санкт-Петербург. Набережные, заключенные в камень, холодные ветры, редкие солнечные дни, но такие, что, оказавшись однажды в Петергофе в погожий день, уже никогда не забудешь. Именно этот уникальный Питер проступает сквозь текст, даже когда речь идет о Литве, в случае с повестью Вадима Шамшурина «Переотражение». С нее и начинается «Ковчег-Питер», герои произведений которого учатся, взрослеют, пытаются понять и принять себя и окружающий их мир. И если принятие себя — это только начало, то Пальчиков, герой одноименного произведения Анатолия Бузулукского, уже давно изучив себя вдоль и поперек, пробует принять мир таким, какой он есть.

Интернет-магазин gorodets.ru

Читайте книги ИД «Городец»

Виктория Лебедева

«Как он будет есть черешню?» Сборник

Что чувствуют родители, когда их детям грозит суд? Что чувствуют дети, когда родители уходят? Почему вдруг возникает ненависть между любящими сестрами и сколько лет требуется для примирения? И самый важный вопрос — возможно ли простому человеку прожить вне политики и госструктуры и сохранить внутреннюю свободу? Обязательно ли для этого менять страну?

На эти и другие вопросы автор пытается ответить хотя бы себе в повести «Как он будет есть черешню?» и романе «Без труб и барабанов».

Интернет-магазин gorodets.ru

Читайте книги ИД «Городец»

Светлана Вяткина
«Возвращение». Роман

Действие романа «Возвращение» начинается в 1910 году, в поволжском имении Благодатное. В центре повествования судьба русского дворянина, студента, затем офицера Юрия Назарова, волею рока оказавшегося в Европе в качестве бездомного мигранта.

В 1916 году из патриотических побуждений Юрий бросает учебу в университете и уходит добровольцем на фронт. После революции, не желая участвовать в гражданском кровопролитии, он покидает Отечество.

«И пусть наша одиссея начнется с мечты о возвращении, потому что, когда уезжают, зная, что больше никогда не вернуться, — это бегство», — говорит своему товарищу по оружию Назаров. Он еще не знает, что его скитания по Евразийскому континенту затянутся на долгие годы, полные лишений и потерь.

Но, шаг за шагом отнимая у Юрия практически все, судьба не в силах забрать главное — возвращение в «объятия Отча».

Интернет-магазин gorodets.ru

Читайте книги ИД «Городец»

Нина Курилло

**«Девять месяцев одного года, или Как Ниночка
Ниной Серафимной стала». Роман**

«Девять месяцев одного года» совмещает в себе черты школьной повести и любовного романа, однако школу жизни проходят не столько ученики, сколько учительница элитного экстерната — двадцатидевятилетняя Ниночка. Ниночка не отличается ни необходимым преподавателю альтруизмом, ни грамотностью, хотя и любит читать. К тому же она совсем недавно рассталась с мужем.

Календарь романа выстроен «по авторам» школьной программы, которую заново осваивает героиня, воспринимая ее «по-домашнему»: на собственную жизнь она теперь смотрит сквозь призму художественных произведений, анализ которых часто выливается в воспоминания героини или размышления о высоких материях — сумках и обуви, любви и предательстве, юности и зрелости. Ниночке предстоит пережить ряд личных катастроф, отпустить свою юность, встретить новую любовь и стать настоящим профессионалом — Ниной Серафимной.

Интернет-магазин gorodets.ru

Читайте книги ИД «Городец»

Мария Малухина

«Минимум багажа». Сборник

Двадцатисемилетняя Аля — переводчик-фрилансер и преподаватель английского — приезжает в Болгарию вместе со своим бойфрендом Гошей отдохнуть. В один жаркий летний день прямо на пляже Аля принимает решение, которое изменит ход ее жизни, — она бросает Гошу и отправляется в путешествие, в свой собственный «анабазис» — прочь от моря, вглубь страны. Алино путешествие — это побег, ей кажется, что она спасается от новых людей и обстоятельств, но на деле лишь убегает от самой себя.

Интернет-магазин gorodets.ru

Литературно-художественное издание

Владимир Шпаков

ПЛЕННИКИ АМАЛЬГАМЫ

Роман

Издано в авторской редакции

Выпускающий редактор Б. Геласимов
Корректор А. Калинин
Компьютерная верстка Е. Климентьевой
Дизайн обложки А. Геласимовой

Подписано в печать 28.09.2020. Формат 60×90/16

Печ л. 28. Гарнитура «Alegreya».

Тираж 1000 экз. Заказ

«Издательский дом “Городец”»

105082, г. Москва, Переведеновский пер., д. 17, к. 1

www.gorodets.ru, e-mail: info@gorodets.ru

тел.: +7 (985) 8000 366

Владимир Шпаков, прозаик, драматург, критик. Родился в 1960 году. В 1983 году окончил Ленинградский электротехнический институт, работал в оборонном НИИ, на гражданском и военном флоте. В 1995 году окончил Литературный институт им. А. М. Горького (семинар А. И. Приставкина). Автор десяти книг прозы, ряда пьес и множества критических статей. Член Союза писателей Санкт-Петербурга и Русского ПЕН-центра. Член Гильдии драматургов Санкт-Петербурга и Гильдии драматургов России. Лауреат ли-

тературной премии Н. В. Гоголя (2010), финалист литературной премии И. А. Бунина (2013), дипломант Международного Волошинского конкурса в номинации драматургия (2013), дипломант премии А. К. Толстого за драматургию (2019). Живет в Санкт-Петербурге.

Разум всегда готов впасть в кошмарный сон, рождающий чудовищ. И этот сон в романе Владимира Шпакова «Пленники амальгамы» становится явью. Главный герой произведения — Его Величество Безумие, представленное в самых разных ипостасях. Своим крылом Безумие задевает каждого персонажа; перед каждым ставит зеркало, где отражаются изувеченные и искореженные души. Метаморфозы, которые претерпевают эти души, необычны, фантастичны, они выламываются из рамок обыденности и привычной логики. И в то же время говорят что-то важное о нас, здравомыслящих представителях рода человеческого...

www.gorodets.ru

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

ГОРОДЕЦ

ISBN: 978-5-907220-62-1

9 785907 220621

